

Циолковского

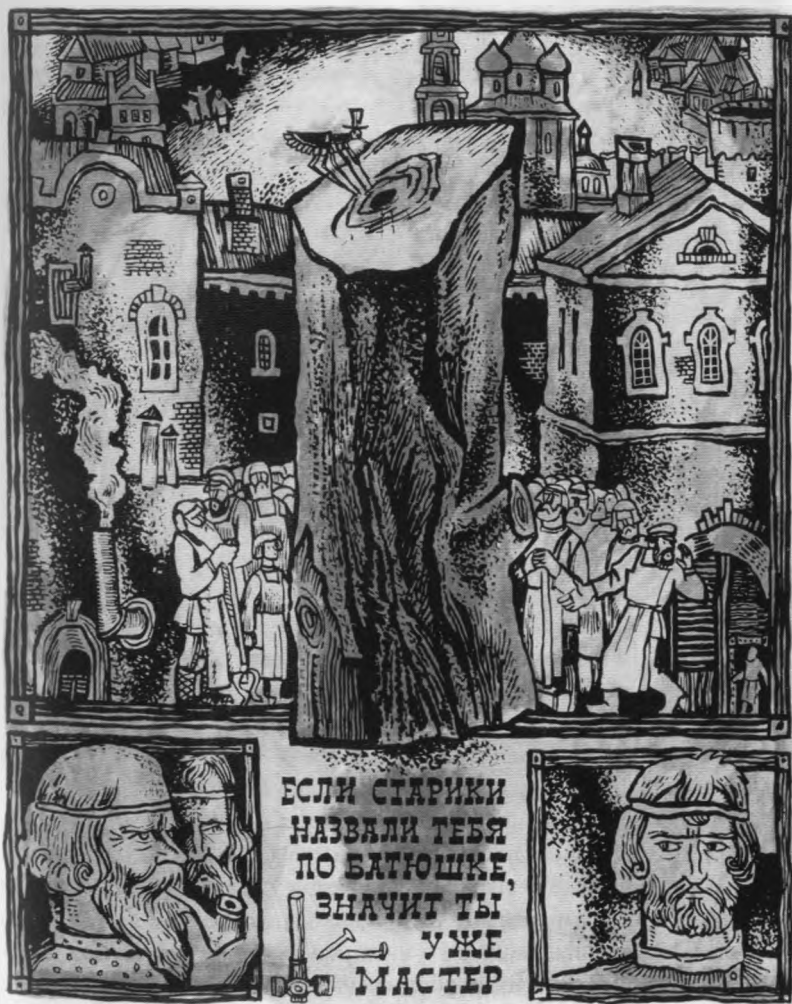
К. Э. Циолковский

«Да прости»

«Да простит читатель, если в моей книге найдет рассказы меньше ладошки. Мы, туляки, народ занятой и зря тарабарить нам недосуг. Мы даже не позволяем себе такой роскоши, чтобы в занятое время называть друг друга длинными и величальными именами. По отчеству наши деды назывались только в престольные праздники и в воскресные дни. Туляки всегда любили короткие имена, чтобы они свободно проходили через горло, не застревали в зубах и пролетали через цех, как пуля: „Чиж!“, „Левша-а!“, „Тычка!“ Да и меня на работе зовут именем короче ружейного залпа — Ив, хотя мать по наивности думала: как только я овладею грамотой, меня будут звать не только полным именем — Иваном, но и по бабьюшке — Федоровым.

Любо или не любо кому, а в нашем городе повелось так: после „аз“, „буки“, „веди“ никого еще не зовут дядей Федей. А кто любит хвалу и чтоб о нем в медные трубы дули, тому нечего делать в Туле. Так говорили наши деды, так говорим и мы.

А коли так, не буду дальше терять время, а прямо приступлю к рассказам о необыкновенном мастере Тычке, который без слов, одними руками, мог рассмешить целый город, а ежели ему приходила нужда вымолвить слово, он мог вбить его, как гвоздь, не только в башку человека, а даже в оху топора.

И. Панькин. Гравюра из книги «Легенды и сказки»

Мастер Тычка. Иллюстрация к книге «Легенды и сказки»

Когда родился Тычка, про то никто толком не знает. Одни говорят — с первым ударом кузнечного молота о наковальню, другие — позже. Но когда бы он ни появился на свет, а заметили его при Петре I и с тех пор его имя не сходило с уст и пожиточных, и скудных людей. После Петра, какие бы цари ни садились на российский престол, каждый из них прежде всего старался Тычку запрятать в Сибирь. По триста Тычек ссылали туда, но только настоящий всегда оставался в Туле».

Эх... Невозможно остановиться. Что ни предложение — шедевр, словно сам Тычка, который не любит лишних слов, писал. Лаконично и точно. Не знаю, проходят ли «Тычку» в тульских школах, — судя по тому, что после смерти автора книжка эта и не переиздавалась, вряд ли. Хотя есть ли у нас другие литературные произведения, которые бы столь ярко и без дешевого пафоса воспевали город мастеров-оружейников? Вкусовщина, конечно, но, на мой взгляд, это лучшая книга о Туле и туляках.

«— Это ли великий тульский мастер?— спрашивает Петр.— Как тебя звать?

— Тычкой,— отвечает мужик,— но только я совсем не великий, а всего-навсего ученик Парфена Зычки, который учился у Никишки Дички, а тот у Прошки Лычки.

Воеводу от слов Тычки прямо в пот бросило. Толкает его в бок, что-бы он замолчал, а Тычка видит, что царь разговаривает с ним по-простому, еще больше разошелся, даже государя стал называть Лексеичем.

Петр ему говорит:

— Сможешь ли починить эту штуку?

И подает ему сломанный пистолет, сделанный каким-то английским мастером.

— А что же не попробовать — можно и попробовать,— отвечает Тычка.— Сроду мне не приходилось гнуть дуги, а летось попробовал и не хуже, чем у ярославских мужиков вышло.

Вздыхнул тяжело Петр, но ничего не сказал Тычке, проводил его до дверей и не взял у него обратно пистолет. Пока царь разговаривал с Тычкой, все чиновники навытяжку, будто свечи, стояли, а когда Тычка скрылся из виду, сразу зашевелились.

Оказывается, никто не спросил, где он живет, а царю об этом нельзя сказать. Три дня и три ночи искали Тычку, а на четвертый он сам пришел. Пришел и не торопясь из-за пазухи вытащил пистолет и передал царю. Потрогал Петр пистолет, пощелкал — работает.

— Вот если бы вы все умели не только чинить, но и делать такие чудесные вещи, тогда бы вас и на руках можно носить,— говорит Петр.

— Так чего же их не делать,— отвечает Тычка.— Такие пистолеты у нас подмастерья чуть ли не слюнями клеют.

Петр был горячий человек, не любил хорошую работу хаять, даже если она сделана руками иноземцев.

Поэтому, когда услышал от Тычки такие слова, даже усики у него от злости запрыгали. Потом царь поднял кулак и ударил Тычку.

— За что же, государь?— говорит Тычка.

— За тот пистолет, который ты хаял.

— Если только за тот, так заведи его, он мне даром не нужен.

И возвращает он ему тот самый пистолет, который Петр давал для починки. Оказывается, Тычка за три дня не только починил английский пистолет, но и сделал новый, как две капли воды похожий на английский.

Петр глядит то на один пистолет, то на другой, головой от восторженности крутит да работой Тычки восхищается. Потом совсем растрогался и говорит:

— Ну, братец мой, ты уж прости, что забидел тебя.

А Тычка был мужик с норовом, сбывчил голову и даже не глядит на царя. А государь опять ему:

— Ну если так не можешь простить, тогда уж и ты ударь меня.

— Да оно, может, так и следовало бы по правилу-то, да вишь, рука у меня мужицкая, как бы греха не натворить. Но если уж очень проишь — так тому и быть!

И так жажнул царя — тот чуть к стенке не прилип.

Когда царь пришел в себя и посмотрел на вельмож, ему неловко стало, что мужик его ударил. А как снова поглядел на Тычку и его могучие плечи, просиял и гордость его охватила за таких людей.

Обнял он тогда самопального мастера и вымолвил:

— Да пусть на плечах этих людей здесь вырастет русский ружейный завод!

И правда, вскоре у кузнечной слободы вырос ружейный завод, который потом и назвали именем Петра».

Внимательный читатель, наверное, обратил внимание, что история эта очень даже схожа с легендой о знакомстве все с тем же Петром I знаменитого туляка Никиты Демидова. Демидов, конечно, у Парфена Тычки вряд ли учился, но тоже кое-что в ремесле оружейника понимал.

«Легенды о мастере Тычке» впервые стали печататься в «Молодом Коммунаре» в 1969 году. Их автор — Иван Панькин. Вовсе даже не коренной туляк. Он приехал к нам в 1961 году — по тому же набору, по которому оказались в Туле писатели Анатолий Кузнецов, Наталья Парыгина, Александр Лаврик и другие, для создания Тульского отделения Союза писателей. Приехал уже немолодым человеком — в том году ему исполнилось 40. Но для писателя — это настоящая пора зрелости, что Панькин подтвердил своим дальнейшим творчеством. Приехав в Тулу, он получил квартиру как раз на улице Циолковского, в доме, который расположен практически на углу с Обручева. Сейчас на нем висит соответствующая мемориальная табличка.

У Ивана Федоровича было достаточно жизненного материала, чтобы ничего не выдумывать в своем творчестве. С малолетства он остался без родителей, беспризорничал, работал в цирке, потом стал юнгой на флоте. Был на фронте, в 1942 году получил тяжелое ранение, остался инвалидом.

Иван Панькин, сентябрь 1993 г.

На фронте же был награжден орденом Красной Звезды, боевыми медалями. Его богатое событиями детство стало основой для повести «Начало одной жизни», которая сразу после выхода из печати получила одобрительные отклики. Ее автор поступил в Литературный институт им. А. М. Горького, после окончания которого и оказался в Туле.

Не таким уж выдуманым стал и мастер Тычка. Хотя тот человек, образ которого держал в голове Иван Федорович, был вовсе не оружейником, а художником-бутафором тульского кукольного театра Николаем Павловичем Чековым. Сам Панькин говорил о нем так: «Когда я познакомился с тульскими художниками, они заочно представили мне

Мемориальная доска на доме, где жил И. Панькин

Обложка книги «Легенды о мастере Тычке», выпущенной московским издательством «Советская Россия»

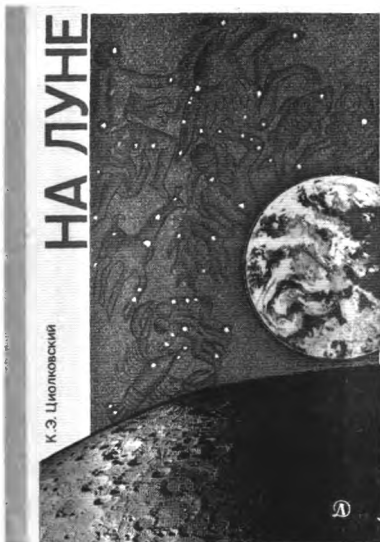
самого веселого и остроумного своего товарища по работе, который был по-русски не только умен, но и по-русски ярко умен. Все это я увидел при знакомстве с Николаем Павловичем. Этот удивительный человек обладает даром ощущать боль других и удивлять людей неожиданной доброй мыслью. Он никогда не терял ощущения детства и непосредственности, поэтому всегда был красив, и встреча с ним для всех — праздник. Николай Павлович и стал прототипом героя главной моей книги — „Легенды о мастере Тычке“. Что же касается имени, то оно также было подсказано Чеховым. Вспоминая о представлениях на тульских ярмарках народного кукольника-«петрушечника» Соковнина, Чехов показывал рисунок «Гульбище», где носильщик с противнем на голове кричал: «Горячие тычки с пылу-жару. Пятачок за пару». Заслуженный работник культуры Игорь Москалев передает рассказ дочери Николая Павловича М. Н. Фирстовой, которая более тридцати лет работала главным художником Тульского театра кукол. По ее словам, отец рассказывал, что «тычки» — это печиво типа пончиков в виде трубочек, которые на-

зывали также «конопляниками», потому что они жарились в конопляном масле.

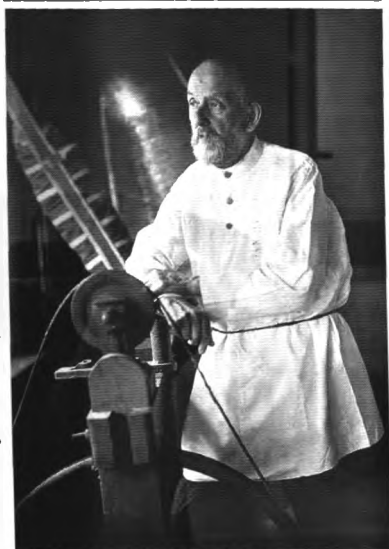
О книгах Панькина писать не так интересно, потому что куда интереснее их читать. Любой пересказ однозначно будет хуже оригинала. Заслуженный работник культуры, почетный гражданин Тулы Иван Федорович Панькин даже успел лично оценить макет памятника Тычке. Однако дальше макета дело не продвинулось. Это тоже, к сожалению, особенно нашего города. Ну а после смерти автора в 1998 году и вовсе о Тычке благополучно забыли. Как будто и не было.

Названа же улица в честь Константина Эдуардовича Циолковского, как всем известно, основоположника современной космонавтики. Циолковский обосновал вывод уравнения реактивного движения, пришел к выводу о необходимости использования «ракетных поездов» — прототипов многоступенчатых ракет. Он предлагал заселить космическое пространство с использованием орбитальных станций, выдвинул идеи космического лифта, поездов на воздушной подушке. Считал, что развитие жизни на одной из планет Вселенной достигнет такого могущества и совершенства, что это позволит преодолевать силы тяготения и распространять жизнь по Вселенной.

По семейному преданию, род Циолковских вел свою генеалогию от

Обложка книги К. Циолковского
«На Луне»

К. Э. Циолковский — великий
мечтатель